

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

НОВЫЙ РАЗКАЗЪ А. П. ЧЕХОВА.

А. П. Чехова. „Убийство“. Русская Мысль, ноябрь.

III.

Въ одной петербургской газетѣ съ большою похвалою пишутъ о разказѣ г. Чехова. Хвалятъ разказъ, конечно, не за его художественныя достоинства, а за ту тенденцію, которую навязываютъ авторъ статьи г. Чехову.

По мнѣнію автора статьи, изъ разказа г. Чехова можно заключить о чрезвычайной „развитости“, какъ говорили въ шестидесятыхъ годахъ, нашей „интеллигенціи“ и о совершенной дикости нашего народа. Утвержденіе не новое для нашихъ „публицистовъ“ и „критиковъ“ извѣстнаго сорта.

Одинъ изъ нихъ нѣсколько лѣтъ назадъ прямо обозвалъ весь народъ Русскій „святою скотиной“,—и замѣчательно что обозвалъ онъ такъ народъ нашъ именно по поводу

подвиговъ совершенныхъ этимъ народомъ въ послѣднюю войну. Даже и сему публицисту бросилось въ глаза это подвижничество нашего народа, его терпѣніе—дѣйствительно святое терпѣніе, его смиреніе, его кротость и мужество, но такъ какъ публицистъ не усмотрѣлъ въ народѣ ничего „интеллигентнаго“: ни праздной болтовни на политическія темы, ни мелочнаго озлобленія противъ всего что чуть-чуть повыше, то онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ соединить несоединимыя слова, обозвавъ народъ „святою скотиной“.

Авторъ упомянутой статьи въ петербургской газетѣ пошелъ дальше. По его мнѣнію, народъ нашъ „обросшій дубовою корой чудовища“. И еслибы авторъ говорилъ именно о герояхъ разказа г. Чехова, тутъ возможно, въпервыхъ, споръ: чудовища или не чудовища эти люди выведенные въ разказѣ; а во вторыхъ, если и дѣйствительно „чудовища“, то что же мудренаго что въ народѣ есть люди которыхъ можно назвать „чудовищами“. Таіе люди есть вездѣ—и среди народа, и среди „интеллигенціи“. То что мы называемъ образованіемъ вовсе не исключаетъ чудовищныхъ поступковъ, и даже напротивъ. Часто образованіе создаетъ злодѣйство утонченное, развратъ прѣвышшающій всю міру разврата который можно замѣтить въ простомъ народѣ. Всѣ мы знаемъ и слышали о такомъ злодѣйствѣ и о такомъ развратѣ. Но авторъ, говоря о „чудовищахъ обросшихъ дубовою корой“, говоритъ о народѣ вообще...

Съ первыхъ же строкъ своей статьи онъ такъ и противопоставляетъ народъ и „интеллигенцію“.

„Поразительное впечатлѣніе производятъ наше милое отечество своими рѣзкими контрастами“,—пишетъ упомянутый „публицистъ“.—„Съ одной стороны мечется вамъ въ глаза весь блескъ европейской культуры: гордо высятся громады шестнадцати-этажныхъ вѣданий, озаренныя электрическими едницами; гремятъ желѣзнодорожныя поѣзда, свистятъ пароходы; выставки, сады, спектакли, концерты привлекаютъ тысячи народа; съ наедръ провозглашаются послѣднія слова науки; дивныя перлы художественнаго творчества удивляютъ и заставляютъ подражать всю Европу. Когда публицистъ переловаго журнала въ статьѣ, нѣющей претензію руководить молодое поколѣніе, заявляетъ что мы пережили метафизическую стадію умственнаго развитія и вступаемъ на почву трезваго позитивизма, или что довольно намъ киснуть въ болотахъ сентиментальнаго народничества, или что настало время смѣло заглянуть въ глаза горькимъ, но тѣмъ не менѣе чреватымъ великою будущностью истинамъ марксизма и пр. и пр.,—вы можете подумать что и въ самомъ дѣлѣ авторъ подъ словомъ мы подразумеваетъ весь народъ Русскій, все общество, по крайней мѣрѣ всю интеллигенцію... Но стоитъ вамъ только сѣсть на любую станцію желѣзной дороги и отъѣхать верстъ за 15, не болѣе,—и васъ тотчасъ же окутываетъ глухой и не-

пробудный мракъ дикаго непѣжества и изувѣрства, полнаго отсутствія самой элементарной культуры начала среднихъ вѣвовъ. Какія тутъ, чортъ, послѣднія слова науки, перлы творчества, народничества, маркспамы, когда въ Парголовѣ, въ Тосно, на Сиверской вы не найдете зимой ни гдѣ пообѣдать, ни гдѣ переночевать, и буквально рискуете быть съдѣнными волнами или заморознутъ. Меня разбираетъ неудержимый хохотъ когда заходитъ рѣчь о *господствѣ* (обратите вниманіе: именно *господствѣ*!) метафизическаго или положительнаго міросозерпанія въ нашемъ отечествѣ, въ то время когда тутъ же рядомъ, въ сосѣдней квартирѣ, совершается нѣчто вроде человѣческихъ жертвоприношеній!..“

Я привелъ эту выписку ради ея неподражаемаго тона и ради,—извините,—ея неподражаемой глупости. Читая подобную тираду, невольно сважешь, пародуя слова Гейне: „Всякій человѣкъ нѣтъ-явно быть глупымъ, но иные наши „публицисты“ злоупотребляютъ этимъ правомъ“. Тонъ же этихъ строкъ дѣйствительно неподражаемый. Гоголь, въ сожалѣнію, не ознакомилъ насъ съ образчикомъ „публицистики“ души Тряпичкина“, но безъ сомнѣнія „душа Тряпичкина“ писалъ именно въ этомъ тонѣ. Тутъ все характерно: и Тряпичкинское самодовольство, и эти словечки: „наше милое отечество“, и „какія тутъ, чортъ, послѣднія слова науки“, и негодованіе на то что въ Тосно или на Сиверской негдѣ по-

обѣдать и переночевать,—рядомъ съ негодованіемъ на какія-то „человѣческія жертвоприношенія“.

Да, наши Тряпичкины „развились“ съ гоголевскихъ временъ. Уже такое отечество какъ Россія не годится для ихъ просвѣщеннаго ума; они о ней отзываются пренебрежительно: „наше милое отечество“. Оно и дѣйствительно, вдругъ такому просвѣщенному „интеллигенту“ въ Тоснѣ негдѣ пообѣдать! Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого — „какія тутъ къ чорту послѣднія слова науки, перлы творчества, народничества, маркспамы“; въ самомъ дѣлѣ, „какіе къ чорту“ Пушкины и Толстые, каксе они могутъ имѣть значеніе, зачѣмъ они нужны просвѣщенному „интеллигенту“, если въ Парголовѣ ему негдѣ переночевать. И „интеллигентъ“ до глубины души оскорбленъ и недоволенъ; онъ кричитъ: „изувѣрство“, „средніе вѣка“, и уже ни къ селу ни къ городу прибавляетъ: „человѣческія жертвы“.

Мы уже подробно говорили въ прошлой статьѣ что всѣ симпатіи г. Чехова на сторонѣ простыхъ людей; въ этихъ простыхъ людяхъ онъ видитъ нравственную силу и энергію; и, наоборотъ, онъ замѣчаетъ и выставляетъ въ своихъ произведеніяхъ дряблость, вялость, апатію, отсутствіе какихъ бы то ни было твердыхъ нравственныхъ устоевъ и постоянное, безконечное празнословіе „интеллигенціи“. Обращая такого празнословія и пустословія мы видимъ въ тѣхъ только что приведенныхъ интеллигентныхъ рассу-

женіяхъ. Видъ это негодованіе на отсутствіе „культуры“ въ Парголовѣ и Тоснѣ,—культуры заключающейся въ хорошемъ обѣдѣ и хорошей гостиницѣ,—видъ это „интеллигентное“ негодованіе на „милое отечество“ совершенно напоминаетъ обиду буюетчика Сергія Никаноровича, выведеннаго въ томъ же разказѣ Чехова—*Убийство*. Сергій Никаноровичъ тоже обижается недостаткомъ „культурности“ на станціи Прюнной и въ ея окрестностяхъ, видя въ томъ недостатокъ „культурности“ въ томъ что здѣсь, въ этой глуши, нѣтъ „хорошихъ господъ“, которые когда-то, когда онъ держалъ буюетъ на большой станціи, заказывали ему тонкіе обѣды. И теперь Сергій Никаноровичъ, принужденный торговать „музыкантскою колбасой“, на печеными лѣпками, считаетъ себя обиженнымъ. „Жизнь прозябая!“ говоритъ онъ, ударяя окаментамо колбасой объ полъ. „Жизнь прозябая!“ говоритъ и „интеллигентъ“ не получившій тонкаго обѣда въ Парголовѣ.

Разница только въ томъ что Сергій Никаноровичъ не обобщаетъ своего негодованія и не кричитъ о „любезномъ отечествѣ“, въ которомъ нѣтъ ничего „кромя изувѣрства“ и „человѣческихъ жертвоприношеній“.

Непонятно, однако, что погразумляетъ „интеллигентъ“ подъ „человѣческими жертвоприношеніями“? Впрочемъ, лишенный обѣда въ Парголовѣ, онъ себя и считаетъ „человѣческою жертвой“ лихихъ русскихъ порядковъ...

И онъ не можетъ успокоиться. Пе-

редактъ „своими словами“ содержание разказа г. Чехова, онъ восклицаетъ: „И такого рода елены, уносящія насъ далеко въ глубь средневековья, возможны въ концѣ XIX вѣка, въ странѣ мишащей себя европейскою! Сколько еще нужно труда чтобы пробить эту дикую чашу невѣжества и сдѣлать хоть сколько-нибудь похожихъ на людей этихъ обросшихъ дубовою корой чудовищъ!“

Еслибъ иностранецъ прочелъ эти строки, онъ подумалъ бы: „какую ненависть и какое отвращеніе русскіе „интеллигенты“ питаютъ къ своей родинѣ и къ своему народу!“ Но мы, къ счастью, знаемъ что это не такъ, что нѣтъ тутъ ничего серьезнаго, что нашъ „интеллигентъ“ и не способенъ даже на какое-нибудь серьезное и сильное чувство, доброе или злое, что тутъ, съ одной стороны, брюзжаніе буетнична Сергѣя Никаноровича на печенныя яйца и „музыкантскую колбасу“, а съ другой, легкомысліе расхаживающаго Тряпичкина, который „отпа роднаго не пощадитъ для словца и деньгу такъ любить“.

Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать что авторъ статьи, которую мы цитировали, не знакомъ ни съ произведеніями Пушкина, ни съ произведеніями Толстого, Тургенева, Писемскаго, Достоевскаго. У всѣхъ у нихъ, даже у жестокаго въ своемъ грубои реализмѣ Писемскаго, народъ нашъ является такимъ, какимъ охарактеризовалъ его еще Грибоевъ словами Чацкаго: „умный, добрый, зашъ въ родъ.“ И если Европу противно-

ставляютъ нашему зѣрству и дикости, то достаточно прочесть хотя бы *Землю Золи* чтобы убедиться гдѣ больше дикости, зѣрства и скотоподобія.

Не замѣтить такой очевидности, дѣйствительно, можно только либо вслѣдствіе жесточайшей ненависти къ своей родинѣ и къ своему народу, либо вслѣдствіе совершеннаго легкомыслія и полнаго равнодушія къ предмету своихъ разсужденій. Какъ мы уже знавали, въ нашей „интеллигенціи“ мы видимъ именно это легкомысліе и равнодушіе, выражающіяся въ томъ что нашъ „интеллигентъ“ „ради словца не пощадитъ и отпа“. Подобныя мнѣнія и разсужденія нашей „интеллигенціи“ были бы смѣшны, еслибъ они не отражались стремленіемъ принять и народу подобное отношеніе къ Россіи, еслибъ они не отражались стремленіемъ сдѣлать и изъ народа нѣчто такое же ялое, безцвѣтное, равнодушное и легкомысленное въ своемъ равнодушіи, какова наша „интеллигенція“.

IV.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что опечалило автора статьи петербургской газеты? Что вставляетъ его произносить такъ удобно произносимыя слова: „наувѣрство“, „дикость“, „чаша невѣжества“, „средна зѣновье“? Что отъ попрауиваетъ полъ этии столь истрепанныи у насъ словами что изъ заъ-то съ-вѣстно даже и произносить?

Мы уже говорили въ прошлой статьѣ о жестокой враждебности раз-

то место разказа гдѣ описывается жизнь Якова на каторгѣ и его душевное состояніе.

„Въ этой партіи находился Яковъ Ивановичъ, прозванный на каторгѣ Ваникомъ за свою длинную бороду“, читаемъ въ разказѣ.—„По имени и отчеству его давно уже никто не величалъ, а звали просто Яшкой. Былъ онъ здѣсь на плохомъ счету, такъ какъ мѣсяца черезъ три по прибытіи на каторгу, чувствуя сильную, непобедимую тоску по роднѣ, онъ подался искушенію и бѣжалъ, а его скоро поймали, присудили къ безсрочной каторгѣ и дали ему сорванъ плетей; потомъ его еще два раза наказывали розгами за растрату казеннаго платья, хотя это платье въ оба раза было у него украдено. Онъ не переставалъ чувствовать тоску по роднѣ. Началась она у него съ тѣхъ самыхъ поръ какъ его везли въ Одессу и арестантскій поездъ остановился ночью на Прюймной, и Яковъ, припавъ къ окну, старался увидѣть родной дворъ и ничего не увидѣлъ впотѣмахъ.“

„Не съ кѣмъ было поговорить о родной сторонѣ. Сестру Аглаю отправили на каторгу черезъ Сибирь, и не было извѣстно гдѣ она теперь. Дашутна была на Сахалинѣ, но ее отдали какому-то поселенцу въ сожительницы въ дальнее селеніе; слуховъ о ней не было никакихъ и разъ только одинъ поселенецъ, попавшій въ Воеводскую тюрьму, разказывалъ Якову, будто Дашутна имѣла уже троихъ дѣтей. Сергій Нина-

норычъ служить лакеемъ у чиновника тутъ же не далеко, въ Дув, но нельзя было разчитывать повидаться съ нимъ когда-нибудь, такъ такъ онъ стыдился знакомства съ каторжными изъ простаго званія.“

„Партія пришла въ рудники и расположилась на пристани. Говорили что нагрузки не будетъ, такъ какъ погода все портится и пароходы будто бы собирается уходить. Видно было три огня. Одинъ изъ нихъ двигался: это—паровой катеръ ходилъ въ пароходу, и теперь, кажется, уже возвращался чтобы сообщить, будетъ работа или нѣтъ. Дрожа отъ осеняго холода и морской сырости, вставая въ свой воротникъ разный полубубонъ, Яковъ Ивановичъ пристально, не мигая, смотрѣлъ въ ту сторону гдѣ была родина. Съ тѣхъ поръ какъ онъ пошелъ въ одной тюрьмѣ видѣть съ людьми пригнанными сюда съ разныхъ концовъ,—съ Русскими, Хоклами, Татарами, Грузинами, Китайцами, Чухисъ, Цыганами, Евреями, и съ тѣхъ поръ какъ прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу, и ему казалось что онъ, наконецъ, узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ ждалъ и такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Все уже онъ зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только одно, почему преробій людей такъ различны, почему эта простая вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ

вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, послѣ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ безъ перерыва продолжаться до самой его смерти.“

Почему же Яковъ, этотъ жесткій человекъ, не свелбился на жизнь и людей, среди невыносимыхъ своихъ страданій, а, напротивъ, пришелъ къ „примиренію“ съ людьми и жизнью—съ тѣми людьми, которыхъ онъ раньше презиралъ, съ тою жизнью, которую онъ раньше ненавидѣлъ? Да потому только, что въ немъ жило религиозное чувство, потому только что въ душѣ его жилъ *страхъ Божій*,—страхъ Божій, который привелъ его къ любви и смиренію...

Представьте же себѣ „интеллигентнаго“ человека, такого же характера какъ и Яковъ, въ положеніи Якова? Чѣмъ бы онъ кончилъ? Или самоубійствомъ, или еще болѣею озлобленностью на жизнь и людей. А средняго сорта „интеллигентъ“—тотъ бы вѣроятно кончилъ такъ, какъ буетчикъ Сергій Нинаноровичъ...

Разказъ г. Чехова свидѣтельствуетъ о необыкновенной нравственной живучести русскаго простаго человека. И если такой, вовсе не исключительный въ хорошую сторону человекъ изъ народа, какъ Яковъ, нашелъ въ себѣ столько душевныхъ силъ, чтобы нести такой крестъ свой—какъ великъ долженъ быть этотъ народъ, среди котораго такъ и воспитался, духомъ котораго онъ проникся...

Ю. НИКОЛАЕВЪ